

УДК 32.019.51

Политология

В статье рассматриваются особенности политического дискурса, касающиеся основных аспектов социально-политической и экономической модернизации современной России. Автор обосновывает положение о том, что модернизационный процесс в современной России является одним из инструментов мифотворчества, используемым политической элитой в интересах сохранения собственной гегемонии.

Ключевые слова и фразы: модернизация, социальные изменения, политический дискурс, политический миф, новая модель экономического роста, новая социальная политика, инновация.

Лаптев Валентин Владимирович, к. социолог. н., доцент
кафедра связей с общественностью и прикладной политологии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
vavla@rambler.ru

МИФОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Характеризуя современное состояние российского социума можно говорить о наличии большого числа внешних и внутренних «вызовов», являющихся реальной угрозой для существования всей социальной системы. Нестабильная международная ситуация, в которой статус России держится во многом лишь благодаря наличию оружия массового поражения, нерешенные проблемы российской экономики, носящей ярко выраженный сырьевой характер, множество социальных проблем, среди которых бедность, алкоголизация населения, низкая рождаемость – вот лишь небольшой перечень наиболее насущных проблем современной России. Все это заставляет

пристальнее взглянуть на предложенный российской политической элитой «ответ», имя которому – модернизация.

Начало XXI века было ознаменовано новым витком общественно-политических дискуссий, связанных с различными вариантами модернизационных проектов и поиском приемлемых вариантов развития социума. Ключевыми понятиями, определяющими политический дискурс последних 10 – 15 лет, становятся «новая модель роста», «устойчивое развитие», «стабильность». При этом анализ сложившейся ситуации, невозможен без обращения к теоретическому и практическому наследию модернизационных и неомодернизационных концепций, пользовавшихся популярностью в среде западных социологов и политологов второй половины XX века.

Следует отметить, что термин «модернизация» имеет целый ряд значений. Во-первых, в широком смысле социальная модернизация представляет собой общественный процесс в целом, включая индустриализацию, в ходе которого прежде аграрные, исторические и современные общества становятся развитыми. Во-вторых, в узком смысле, модернизацию рассматривают как более специфическую модель общественного развития, относящуюся к отсталым слаборазвитым обществам, предполагающую усилия, направленные на то, чтобы догнать страны Западной Европы и США, переняв не только экономическую, но и культурную модель развития Запада. В данном случае в теориях модернизации со всей отчетливостью проявляется влияние эволюционистских концепций, делавших упор на однонаправленности процессов социальных изменений, протекающих в различных обществах. В качестве «конечной», высшей точки развития социологами рассматриваются государства западной демократии. Отсюда следует вывод о неизбежности повторения странами «третьего мира» пути, пройденного Западом, а сама модернизация видится не как спонтанный процесс, но как сознательное копирование западных обществ.

В целом в рамках теорий модернизации, неомодернизации и постмодернизации был накоплен значительный опыт анализа и типологизации социальных процессов способствующих «осовремениванию» различных сообществ. При этом негативный опыт модернизации «отсталых» стран Азии и Латинской Америки в 1960-е – 1970-е гг. способствовал смягчению изначально жесткой дихотомии «традиция – современность», свойственной ранним модернизационным концепциям, а также появлению концепции «модернизации в обход модернити», т.е. модернизации, при сохранении национальной культуры без жесткого навязывания обществу западных ценностей [2]. Несмотря на это, желаемым результатом социальной модернизации на сегодняшний день признается формирование открытого общества с социально-экономической системой, функционирующей на основе рыночных отношений, правовой системы, регулирующей отношения собственников, и демократической политической системы.

Говоря об особенностях социально-политического развития современной России, отметим, что модернизация в России – процесс, идущий уже в течение 20-ти лет, вектор которого был задан распадом советской общественно-политической системы. Можно говорить о том, что идейной основой модернизационного процесса стал переход к демократическому политическому режиму, который включал в себя отказ от однопартийной политической системы, переход от формального к реальному федерализму, переосмысление роли и характера политических свобод, а также отмену цензуры в любой ее форме. Таким образом, в начале 1990-х гг. Россия, согласно классической неомодернизационной концепции встала на путь догоняющей, неорганической модернизации как в политической, так и социально-экономической сферах.

Очевидным является и тот факт, что модернизация в политической сфере, целью которой изначально являлось формирование в России демократической политической системы и гражданского общества «по образу и подобию» развитых западных демократий, осталась незавершенной. Так, выстраивание вертикали власти обернулось на деле созданием неповоротливой

бюрократической машины увеличивающейся даже во время экономического кризиса [7]. Федерализм с отменой принципа выборности губернаторов вновь стал лишь пустой формальностью. Наконец «оглушительная» победа «Единой России», объявившей себя центральным элементом политической системы страны, на последних парламентских выборах превращает политическую систему России в фактически однопартийную. В связи с этим представляет несомненный практический интерес, вопрос о видении перспектив модернизации страны, равно как и понимание российской политической элитой ключевых направлений происходящих изменений.

Часто звучащий в речах президента В.В. Путина и членов партии «Единая Россия» тезис о необходимости скорейшей модернизации как экономики, так и политической жизни страны, при ближайшем рассмотрении вызывает немало вопросов с точки зрения теории и практики модернизации. Основное противоречие кроется в самом понятийном аппарате, столь активно используемом российскими публичными политиками. Противоречие это весьма наглядно иллюстрирует подготовленный еще в феврале 2010 года Национальным институтом развития идеологии «Аналитический материал к заседанию Центра социально-консервативной политики Партии «Единая Россия», вышедший под заголовком «Нравственная основа модернизации» [5]. В данном документе предпринята своеобразная попытка осмысления перспектив российской модернизации с точки зрения ее морально-нравственных основ.

Смысл документа под таким громким заголовком можно свести к трем основным тезисам, а именно: 1) Православие в России должно стать основой модернизации страны; 2) патриотизм, как «гражданская религия», должен обеспечить моральные основы государственной политики; 3) элита, как политическая, так и культурная и экономическая, призвана мобилизовать патриотический потенциал страны. В рамках темы необходимо проанализировать саму принципиальную возможность совместного использования понятий: «православие», «патриотизм» и «модернизация».

Исходя из сказанного ранее мы можем утверждать, что идеологической и нравственной основой модернизации, как процесса «осовременивания» общества, превращения его в индустриальное и постиндустриальное является западная либеральная индивидуалистическая идеология. Сам процесс модернизации предполагает преодоление «отсталых», «отживших» традиционных институтов, к каковым следует отнести и институт религии. Патриотизм, предполагающий привязанность к традициям, также является помехой для «модернизируемого» социума, поскольку успешность самого процесса зависит от готовности перенять и принять чужой опыт, в том числе в области культуры и идеологии.

В данном случае мы сталкиваемся с прямым противоречием, объяснить которое возможно либо неверным истолкованием составителями документа смысла понятия «модернизация», либо сознательной мифологизацией политического дискурса. Процесс мифологизации в данном случае следует понимать как сознательное формирование упрощенной стереотипной картины социальных процессов в интересах правящей элиты, путем внедрения в общественное сознание заведомо ложных представлений о сути происходящих процессов и явлений. Первое объяснение представляется маловероятным в силу значительной научной разработанности проблемы, тогда как второе выглядит в достаточной мере обоснованным, поскольку позволяет объяснить противоречия между анализируемым документом и действиями российских властей.

Центральной идеей, одной из концептуальных основ модернизационных теорий является рационализация общественной жизни и формирование у индивида личностных установок, качеств и ценностей, способствующих эффективному функционированию современного общества. Человек современности – это человек независимо мыслящий и активный как в социальном, так и в политическом отношении, способный принимать ответственные решения, касающиеся своего будущего и понимающий свой долг перед обществом. Российская модернизация «сверху» на сегодняшний день по сути дела подразумевает в качестве идеала человека не активного, но

«по-христиански» смиренного, не активного свободно мыслящего «преобразователя» окружающей его действительности, но инфантильного добродетельного исполнителя, обращенного не в будущее, а в «светлое» прошлое.

Второй программный документ, который хотелось бы затронуть в рамках анализируемой темы – Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года, или Стратегия 2020 [8]. Данный документ, опубликованный в марте 2012 года, по сути дела представлял собой квинтэссенцию модернизации в понимании российской политической элиты. Базовыми для документа являются два понятия, а именно: «новая модель экономического роста» и «новая социальная политика». Новая модель экономического роста подразумевает переход к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества, а новая социальная политика, по мнению авторов документа, подразумевает первостепенную поддержку тех слоев населения, которые способны обеспечить инновации, а именно среднего класса.

Как мы видим, документ констатирует догоняющий, неорганический характер модернизационных процессов в России и формально является свидетельством твердого намерения российской власти продолжать объявленный курс на «осовременивание» всех сфер жизнедеятельности социума. Однако, уже на стадии подготовки документа к опубликованию возникли серьезные сомнения как в оправданности экспертных предложений, так и желании политической элиты следовать «духу» данного документа на практике. Так, острую критику вызвало сужение субъекта модернизационных преобразований до, так называемого, креативного среднего класса, носителя инновационного мышления и духа предпринимательства, доля которого в общей численности населения России составляет лишь порядка 20 – 25% [4]. Сами эксперты указывали как на отсутствие политических возможностей для реализации основных положений программного документа, так и на очевидные противоречия текста и реалий политической жизни страны, в частности

запланированного сокращения бюджетного финансирования сфер образования и здравоохранения [1]. На наш взгляд, все это свидетельствует о крайне популистском характере документа, который в глазах власти являлся и является лишь «декларацией о намерениях», призванный в очередной раз продемонстрировать внутренней и внешней общественности прогрессивный характер политической элиты.

Наконец третьим знаковым примером особенностей российского модернизационного процесса является, на наш взгляд, ангажированный бывшим президентом РФ Дмитрием Анатольевичем Медведевым, проект Инновационного центра «Сколково», которому изначально отводилась роль крупнейшего полигона новой модели российской экономики. Проект «Сколково» был призван стать символом модернизации техносферы российского общества, знаком нового этапа инновационного развития российской науки и экономики. Сейчас едва ли возможно однозначно ответить на вопрос об эффективности самого Центра, поскольку он носит долгосрочный характер, хотя очевидно, что на сегодняшний день он представляет собой скорее площадку для иностранных инвесторов, использующих его для аутсорсинга разработки собственных продуктов. [6].

В случае с Инновационным центром «Сколково» мы наблюдаем реализацию еще одного, свойственного ранним концепциям модернизации, мифа о возможности «одним рывком», сконцентрировав все усилия на одном проекте национального масштаба, полностью изменить общество, радикально «осовременив» социально-экономическую среду. Следует заметить, что несостоятельность подобного подхода к процессу модернизации была теоретически и эмпирически обоснована еще в 1960-1970-х гг.[9,с.177-178]. Наиболее близким аналогом российского проекта «Сколково» следует скорее признать не столь «любимую» российскими политиками Кремниевую долину в США, рождение которой было во многом обусловлено нуждами военно-промышленного комплекса, а проект Инновационного центра в индийском городе Бангалор, чья деятельность в столь же малой степени связана с

реальными проблемами страны [3]. Сегодня проект «Сколково» представляет собой скорее потемкинскую деревню российской модернизации, плодами которого способны воспользоваться крупные иностранные инвесторы, нежели реальное воплощение прогрессивных социально-экономических изменений.

Таким образом, модернизационный процесс в России, несмотря на кажущуюся очевидность, несет в себе очевидные черты политического мифотворчества. Активное внедрение и использование поведенческих стереотипов и символов, искажающих реальную картину общественных процессов, идущих вразрез с уже имеющимся теоретическим и практическим опытом, а также зачастую декларативный, популистский характер заявлений, никак не отражающих реальных политических действий, на наш взгляд, значительно снижают эффективность и инновационный потенциал социальных изменений в современной России. Подобная стратегия современной правящей элиты, на наш взгляд, является малоперспективной, поскольку разрушает еще неистраченный человеческий и научный потенциал, и превращается в мощный инструмент критики, подрывающий доверие к власти со стороны российского общества.

Список литературы

1. Дмитриев М. Главная проблема «Стратегии-2020» – отсутствие политических возможностей для реализации. [Электронный ресурс]: РИАНовости Стратегия 2020. URL: <http://strategy2020.rian.ru/news/20111219/366229749.html> (дата обращения: 02.12.2014).
2. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. [Электронный ресурс]: Учебный портал. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-242904.html>(дата обращения: 02.12.2014).
3. Кагарлицкий Б. «Танцующие» мосты на пути в Сколково. [Электронный ресурс]: Информационно-аналитическое издание Фонда «Историческая перспектива». URL:

- http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/tancujushhije_mosty_na_puti_v_skolkovo_2010-07-02.htm (дата обращения: 02.12.2014).
4. Креативный класс и унылая Россия. [Электронный ресурс]: Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/expert/2011/34/kreativnyij-klass-i-unyilaya-grossiya/> (дата обращения: 02.12.2014).
  5. Нравственная основа модернизации. [Электронный ресурс]: Religare. URL: http://www.religare.ru/2_73011.html (дата обращения: 03.12.2014).
  6. Покатаева Е., Никитин А. По сколковскому счету. [Электронный ресурс]: Журнал «Итоги». URL: <http://www.itogi.ru/russia/2013/20/189887.html> (дата обращения: 03.12.2014).
  7. Росстат: зарплаты чиновников растут, равно как и численность бюрократического аппарата. [Электронный ресурс]: Интернет-журнал «Новая политика». URL: <http://www.novopol.ru/text70169.html> (дата обращения: 02.12.2014).
  8. Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика. [Электронный ресурс]: «Стратегия-2020». URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/13/1214585985/itog.pdf> (дата обращения: 02.12.2014).
  9. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996.